

Рецензии

Бакланова Татьяна Ивановна,

*доктор педагогических наук, профессор,
основатель научной школы «Теория, история и методика
преподавания народной художественной культуры»,
Московский городской педагогический университет,
Институт культуры и искусств
ул. Марии Ульяновой, д. 21, Москва, Российская Федерация
E-mail: moypochta@bk.ru*

Baklanova Tat'iana Ivanovna,

*DSc in Pedagogics, Professor,
founder of scientific school «Theory, history
and methods of teaching folk art culture»,
Moscow City Pedagogical University,
Institute of Culture and Arts,
Maria Ulyanova str. 21, Moscow, Russian Federation
E-mail: moypochta@bk.ru*

КНИГА О ДРЕВНИХ СМЫСЛАХ И ЖИВЫХ ТРАДИЦИЯХ ТВЕРСКОЙ НАРОДНОЙ ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ

*Рецензия на монографию С. А. Ситниковой «Тверской обрядовый масленичный
текст: реликты древних мифо-ритуальных представлений».*

М.: ГАСК, 2012. 174 с.; ил. (20 с.)

Издание каждого научного труда по русской народной культуре — праздник для всех исследователей, изучающих этот многогранный, неисчерпаемый по своей глубине, культурно-историческим смыслам и педагогическому потенциалу феномен. Но особым праздником для нас стала книга С. А. Ситниковой о празднике Масленицы, изданная в Государственной академии славянской культуры.

Давно знакома с автором книги — кандидатом педагогических наук, доцентом Тверского филиала ГАСК. Это удивительный человек, истинный энтузиаст народной культуры, высокопрофессиональный исследователь, увлечённый творческий преподаватель. После окончания аспирантуры и защиты диссертации в Ленинградском государственном институте культуры и искусств Светлана Алексеевна уже почти четверть века изучает русскую народную культуру не только по печатным источникам, но и непосредственно в этнографических экспедициях. Результаты своих исследований она вводит в содержание профессиональной подготовки студентов к сохранению и развитию традиционной народной культуры и преподаванию этнокультурных дисциплин, а также использует в этнокультурном образовании детей и подростков в условиях дополнительного образования.

Знаменательно, что книга С. А. Ситниковой посвящена именно тверским народным традициям. Как известно, в конце прошлого века в Тверской области была разработана первая региональная российская программа сохранения и развития традиционной народной культуры (научный руководитель М. А. Некрасова). Она стала эталоном для разработки и внедрения аналогичных программ во многих других регионах России. И сегодня этот регион является одним из ведущих в области этнокультурной деятельности, что, в частности, отмечается в докторской диссертации Г. М. Королевой «Этнокультурное развитие регионов: педагогическое проектирование и реализация» (М., 2011) и других исследованиях представителей нашей научной школы.

Надо отметить, что монография С. А. Ситниковой опирается не только на уникальный фольклорно-этнографический материал, собранный автором в многолетних целенаправленных экспедициях по Тверской земле, большая часть которого публикуется впервые. К исследованию привлечены разрозненные и часто малоизвестные публикации, тем или иным образом касающиеся тверских масленичных традиций. Это специальные периодические и другие издания, имеющие краеведческие или историко-этнографические рубрики.

Собранный и систематизированный С. А. Ситниковой научный фольклорно-этнографический тверской материал рассмотрен автором книги с точки зрения его семантики, т. е. его внутренних исконных архаичных значений и смыслов.

Как известно, традиционный народный календарь, календарно-аграрные традиционные обряды и праздники представляют собой ту зону традиционной народной культуры, которая может быть названа структурным ядром всей духовной культуры этноса. Переплетая практически все сферы нравственной, эмоциональной, интеллектуальной и хозяйственной жизни, традиционный календарь отражает повседневный и сакральный опыт многих поколений.

Традиции и обряды народного календаря неизменно находятся в поле пристального внимания исследователей — фольклористов, этнографов, филологов, педагогов, культурологов, историков, искусствоведов и др. Опубликованы значимые монографические труды и научные статьи, посвященные изучению разных аспектов традиционной народной календарной системы.

Тем не менее любая новая работа в этой области является необходимым вкладом в научное осмысление этой важной составляющей народной культуры. Это тем более касается тех исследований, которые направлены на экспедиционно-полевой сбор, пополнение и систематизацию новых исторических, фольклорно-этнографических материальных и нематериальных традиционных культурных свидетельств и на изучение региональной специфики народных календарно-обрядовых традиций, к каким и относится рецензируемая научная работа С. А. Ситниковой.

Фольклористам, историкам, этнографам, специалистам по народной художественной культуре известно, что календарная традиция Тверской земли не получила освещения на страницах специальной периодики, которая была организована на волне интереса и внимания к народной культуре в конце XIX в. История фольклорно-этнографического изучения Тверского края свидетельствует о наличии

публикаций, включающих тверские фольклорно-этнографические свидетельства довольно широкого спектра: различные жанры музыкального и устно-поэтического фольклора, описания народных поверий, предрассудков и примет, этнографические описания свадебных и отдельных календарных обрядов.

Однако обстоятельных, систематических этнографических описаний, фольклористических и этнокультурологических исследований тверской традиционной календарно-аграрной системы обрядов не проведено до сих пор.

Что касается масленичной тверской обрядовой традиции, то из посвящённых специально ей публикаций с середины XIX до начала XXI вв. можно назвать лишь две небольших статьи, одна из которых принадлежит автору рецензируемой монографии¹. Специальный научный сборник, включивший материалы фольклорно-этнографических экспедиций по трём областям Поволжья (Тверской, Ярославской и Костромской), содержит о тверской масленичной обрядности неполных 8 страниц².

В этом смысле вышедшая в свет работа С. А. Ситниковой является серьёзным научным вкладом в изучение тверской масленичной обрядности и календарных обрядовых традиций Тверского края в целом. Важно подчеркнуть две основные содержательные составляющие в опубликованной монографии. Одна связана с самим подлинным тверским фольклорно-этнографическим материалом по тверской масленичной обрядности, впервые введённым автором в научный оборот. Другая заключена в очень подробной научной семантической интерпретации этого материала. Достоверность работы обеспечена привлечением для раскрытия внутренних смыслов тех или иных граней тверского масленичного обрядового комплекса произведений самых разных жанров традиционной и, что ценно, главным образом тверской, художественной культуры — сказок, былин, обрядовых песен, орнаментированных традиционных вышитых и бранных полотенец, домовых резных наличников, крестьянской бытовой утвари и т.п.

Большим достоинством книги является бережное отношение автора к фольклорно-этнографическим свидетельствам: монография богато насыщена текстами экспедиционных интервью, в которых часто сохранена прямая речь информантов, с указанием полного имени, возраста, места рождения и места наблюдения фольклорно-этнографического события, а также места и времени записи фольклорно-этнографического свидетельства, как того требует современная наука. Достоверность приводимых данных подтверждается множественностью их вариантов и определённой повторяемостью в разных районах не только Тверской области, но и прилегающих географических зон.

Структура монографии определена основными компонентами тверского масленичного комплекса. Каждый из этих компонентов представлен тверским

¹ *Вершинский Н. Н.* Масленичные обычаи и поверия // *Тверская старина*. 1912. № 2. С. 37–39; *Ситникова С. А.* Масленичная обрядность в Торжокском районе Тверской области (по материалам экспедиций ГАСК 2006–2009 гг.) // *Материалы научно-практической конференции «Связь времён»* / ред. Б. Н. Глебский. Торопец: Изд-во В. Торопова, 2010. С. 87–95.

² *Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья* / сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева; под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1985. 344 с. (С. 27–28; 32–37).

фольклорно-экспедиционным материалом, в каждом из них выявлены две важнейшие семантические грани — мифологическая идея космологического творения и идея плодородия.

Во введении монографии дана характеристика масленичному обрядовому комплексу как древнему, многослойному традиционному культурному явлению, обнаруживающему до настоящего времени реликты архаичной праздничности³, а также сохранившему «наряду с древней акциональной практикой <...> свидетельства своей сакральной о с м ы с л е н н о с т и»⁴.

Вполне научно обоснована и перспективна позиция автора, согласно которой масленичная обрядность рассматривается не как изолированный культурный комплекс, а как одна из зон календарного обрядового круга, которая обладает всеми характеристиками этого традиционного этнокультурного феномена. Во введении подчеркнут также педагогический потенциал народной культуры, необходимость вдумчивого и глубокого изучения традиционных ритуально-обрядовых построений, в которых сохранилась духовная, нравственная и интеллектуальная энергия ушедших поколений всех предшествующих эпох и которая обладает «огромной культурной силой, высокими социализирующими возможностями, подпитывающими человека в процессе его усилий, направленных на очеловечивание себя, и во многом определяет успех этих усилий»⁵. При этом подчеркивается, что календарный обряд как культурный текст содержит архаичные мировоззренческие мифо-ритуальные идеи, выраженные особым культурным языком. «Этот язык, — пишет автор, — вместе с уходом календарных обрядов из жизни людей перестал быть всеобщим. И часто традиция, сохранившая память о внешней, событийной стороне обрядов, укрывает от потомков обрядовые внутренние, глубинные смыслы»⁶. Именно это определяет необходимость специально «прочитывать», «расшифровывать» календарный обрядовый текст.

Все последующие разделы монографии посвящены научному прочтению, «расшифровке» древних смыслов, таящихся в тверском обрядовом масленичном тексте.

Отмечая, что основные элементы тверской Масленицы являют собой основу любой масленичной обрядности, автор выявляет особенные черты, «свою, особым образом выстроенную версию» масленичных обрядовых элементов, зафиксированных на Тверской земле⁷.

Судя по тексту монографии, самым внушительным по обрядовой насыщенности в тверской традиции оказался обрядовый масленичный эпизод катания на лошадях (Раздел 2. *Масленичные обрядовые катания на лошадях — магическое заклинание плодородия и космологическая драма*). Он лучше других сохранился

³ Ситникова С. А. Тверской обрядовый масленичный текст: реликты древних мифо-ритуальных представлений. М.: ГАСК, 2012. С. 12–13.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 18.

в памяти старожиллов и, видимо, был самым привлекательным из всех других обрядовых действий на Масленицу.

В эпизоде масленичного катания на лошадях сквозь призму тверских фольклорно-этнографических данных рассмотрены шесть архаичных смысловых граней и их обрядовая значимость для масленичного комплекса. Речь идёт о двойственной природе коня в заклинании плодородия — о связи коня с культом предков и культом солнца; о конной езде как мифо-ритуальном воплощении творения мироздания; о состязательности как воспроизведении первотворения и стимулировании плодородных сил; о продуцирующих и космологических смыслах в катании детей и молодожёнов; о прядильно-ткацком коде в масленичном катании на лошадях; об обрядовом превращении сырого в печёное во время ритуальной езды на лошадях.

Каждый из названных мотивов рассмотрен в переплетении множества традиционных мифологических представлений, которые богато отражены в тверской обрядовой практике и различных фольклорных жанрах.

Убедительно интерпретированы и изложены в книге мифологические представления о связи коня с культом предков и культом солнца, отражённые в разных зонах традиционной народной культуры. Связь коня с культом предков отмечена в русских народных сказках, народных поверьях, разнообразных тверских календарных гаданиях, в том числе и непосредственно с самим конём⁸. Для характеристики солярной символики коня в работе также привлечены самые разные жанры фольклора — загадки, традиционные масленичные песни, традиционная крестьянская посуда (тверские деревянные ковши-братины), деревянные льнотрепалки, ткацкие станы, тверские домовые наличники, пряничные доски и образцы так называемого «полотняного фольклора» — тверские вышитые и браные полотенца⁹.

Из шести перечисленных в монографии смысловых граней масленичного катания на лошадях особенно яркими и специфическими для тверского масленичного обрядового текста являются выражение прядильно-ткацкого кода и обрядовый способ превращения сырого в печёное во время ритуальной езды на лошадях.

Подраздел монографии о прядильно-ткацком или «льняном коде» в масленичном катании на лошадях выполнен не просто на подлинных тверских фольклорных свидетельствах, но на редком, уникальном материале, который в других зонах славянского мира в современной фольклористике практически не отмечен¹⁰. Речь идёт о масленичных эпизодах с демонстрацией настоящего или показного, игрового, т. е. ритуального, тканья на кроснах (ткацком станке), которое выполняли ряженые во время катания на дровнях. Это редкий пример архаичного способа обрядового воплощения мифологических идей плодородия и творения посредством езды на лошадях, усиленных особо выраженным прядильно-ткацким кодом в таком прямом и ясном варианте.

⁸ Там же. С. 30–32.

⁹ Там же. С. 30–35, 176–188.

¹⁰ Там же. С. 51–67.

Весьма привлекательным выглядит не только интерпретация нового фольклорно-этнографического материала, связанного с масленичным «льняным» кодом, но и обоснование значимости прядения и льноткачества в тверской традиционной народной культуре, которые играют жизненную роль, не уступающую по своей важности земледелию. В связи с этим приведены замечательные, в том числе и тверские, образцы разных устно-поэтических и песенных жанров («Сохой да иглой деревня стоит», «Хлеб насущный, а лён — всемогущий». А в тверской частушке поётся: «Лен ты, наш белый ленок, / Вся на тебя и надежа: / Ты нам и подать, оброк, / Ты — и одежда!»)¹¹.

Кроме того, в исследовании приведены свидетельства о нескольких основных группах тверских ритуалов, нацеленных на заклинание урожая льна. Одна группа состоит из ритуалов, направленных на заклинание хорошего урожая льна с помощью обрядовых кодов, не связанных с льноткачеством: катания «на долгий лён» на лошадях — молодёжи, пожилых женщин, детей; катания с гор на севалках, «решате», «ледянках», на дровнях; масленичное ряжение, «чтобы лён хороший рос»¹². «Другая группа ритуалов, включающих льно-прядельно-ткацкую тему, — пишет автор, — направлена на обеспечение урожая льна с помощью самого же “льно-прядельно-ткацкого кода”, т. е. с помощью введения в обряд материалов для тканого производства, тканых изделий, деталей ткацкого стана или прялки и т.п.» Такое разнообразие «льняных» ритуалов в масленичной обрядности автор резонно объясняет высокой жизненной и хозяйственной значимостью возделывания льна на Тверской земле.

Осмысление прядельно-ткацкого или «льняного кода» в тверской обрядовой практике завершается подробным и аргументированным описанием семантической нагрузки ткацкого стана (кросен) в традиционном народном мировоззрении¹³.

О разделе 3 *Масленичные бесчинства*¹⁴ стоит сказать особо. Феномен ритуальных бесчинств, как особая форма антиповедения в традиционной культуре, в этом исследовании рассмотрен с точки зрения его мировоззренческих и социализирующих оснований. Как и вся книга, этот раздел базируется на уникальном экспедиционном тверском материале. В тверских масленичных бесчинствах выделены две основных разновидности, в каждой из которых, в свою очередь, отмечены свои слои.

К одной разновидности отнесены бесчинства, связанные с проказами молодёжи, т. е. с шутливым, а иногда и дерзким нарушением молодыми общепринятых норм поведения. В этой группе бесчинств выделены такие ритуальные нарушения норм поведения, как ритуальное воровство того, что использовалось в масленичной обрядности (санки, дровни, возки для катания: «украдём, покатаемся и бросим»; колёса от телеги, дрова, солому, снопы, корзинки и пр. для костра: «Возьмут, дров наворуют за деревней, пойдут, <...> ой, какая Масленица была, как жгли её, навер-

¹¹ Там же. С. 54.

¹² Там же. С. 55–57.

¹³ Там же. С. 58–67.

¹⁴ Там же. С. 81–91.

ное, весь Торжок видел. <...> Сколько сена украдали! <...> и сено горит, и дрова горят...»¹⁵). Ритуальные воровские действия (тайный побор) характеризуются как очень архаичный пережиток, направленный, во-первых, на ритуальное придание сакральности тайно взятому утилитарному предмету в период праздничного времени и, во-вторых, на ритуальное объединение усилий всей общины в обрядово-праздничный период ради общего блага¹⁶.

Кроме озорства, связанного с ритуальной кражей, в монографии отмечены молодёжные бесчинства *инициационного и продуцирующего* характера. Здесь также выявлены свои разновидности. Одна разновидность так называемых инициационных бесчинств связана с освоением молодёжью брачного статуса, т. е. с переходом неженатой молодёжи в группу женихов и невест. В таких традиционных масленичных проказах молодёжи, как «девок солить» или «редьку таскать» («ребята девушек в снегу валяли»), как пишет автор, инициационные переживания испытывают не только девушки, но и парни: «Первые, благодаря обрядовому погружению в снег (синоним ритуала обливания водой), получают дополнительную энергию плодородия. Вторые — приобретают и “узаконивают” навыки, способствующие утверждению в них мужского начала — навыки активного, уверенного, сильного, смелого, а главное — осмысленного, одобряемого традицией обращения с девушками»¹⁷.

Основательно рассмотрен в рецензируемой монографии и ещё один смысловой слой в традиционных бесчинствах молодёжи — это озорство, настоящее *бесчинство в отношении старших*, и прежде всего стариков. К такого рода бесчинствам относятся известные проказы, связанные с закладыванием дровами или примораживанием дверей, закрывание стеклом печной трубы, «наведение бомбы», когда привязывали за нитку колотушку (полено, картошку, лук или репку или гвоздь) и, спрятавшись, издалека дёргали за нитку, вызывая стук в дверь, окно или скрежет по оконному стеклу. Среди социализирующих смыслов этих традиционных бесчинств автор называет два основных. Первый состоит в праздничном внимании к старикам и в вовлечении их в обрядовое пространство общины. Вторым смыслом является то, что, «ритуально нарушая принятые в повседневной жизни нормы поведения, молодые люди приобретают необходимый для каждого полноценного человека социальный опыт в экстренной ситуации самостоятельно принимать решения, даже если придётся при этом нарушить традиционные нормы»¹⁸. Поясняя логику своего вывода, автор сравнивает масленичные бесчинства, связанные с выходом из повиновения старшим «с формулой неповиновения, которая отражена в русских народных сказках. На просьбу благословить в далёкий путь родители сетуют на то, что, если герой уйдёт, они останутся одни, без помощника, поэтому они не могут его отпустить. На что сын отвечает: “Благословите пойду, и не благословите пойду!” Смысл этого ответа и этого рода бесчинств, — справедливо замечает автор, — состоит в том, что в традиционной народной культуре, где слово старших является для моло-

¹⁵ Там же. С. 81–82.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 84.

дѣжи законом, предусмотрены возможности для воспитания в них способности принимать самостоятельные решения в необходимых для общества и самого человека случаях. Эта возможность наряду или в совокупности с уважением к традиции и к старшим является условием формирования полноценной личностной позиции у молодых людей, а вместе с тем и залогом процветания всего общества»¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что идеи нравственности, духовной ответственности, которые несут в себе и хранят ради новых поколений традиционные, и в первую очередь календарные, обрядовые системы, те идеи, которые принято рассматривать в рамках этнопедагогики, в монографии обнаруживаются и отмечаются практически во всех разделах, если не сказать, находятся в центре внимания. Начиная с эпиграфа («...мы проходим испытание в меру нашей ответственности...»²⁰), автор не устаёт обращать внимание читателя на высокие нравственные смыслы, заключённые в традиционных духовных практиках и русской народной культуре в целом: «Ответственность — именно тот смысл, который (кроме указанных продуцирующего и объединяющего) заключён в действиях исполнителей обряда — старых людей, раздающих по своей инициативе и по предписанию традиции свою ритуальную выпечку. Ответственность перед современниками, которых необходимо включить в общинный круг обрядового действия; ответственность перед памятью предков, оставивших потомкам своё бесценное духовное наследие, которых нельзя предать; ответственность перед потомками, которых надо ввести в духовное наследство своих предков и которых нельзя обмануть, — вот главные архаичные смысловые составляющие рассматриваемого эпизода тверского масленичного обрядового текста»²¹.

С точки зрения внутренних, глубинных мировоззренческих смыслов в данной монографии интерпретированы и рожение в тверской масленичной обрядности, и чучело Масленицы как антропоморфный персонаж, и разные варианты тверских масленичных ритуальных огней. Все размышления о внутренних семантических значениях архаичных зон тверской масленичной обрядности, о реликтах её древних мифоритуальных представлений в работе С. А. Ситниковой основываются на методологических приёмах, применяемых современными специалистами в исследованиях традиционной народной культуры.

Что же касается центральных смысловых составляющих тверского масленичного обрядового повествования, к которым относятся масленичное колесо (или заменяющие его бочка, ведро и т.п.), дерево (или заменяющие его шест, столб) и гора, то в посвящённом им разделе содержится не только глубокий и очень подробный семантический анализ древних тверских масленичных обрядовых атрибутов, но и новые научные данные о тверском варианте древнего масленичного обрядового комплекса.

В описании масленичной ритуальной практики возжигать колесо над столбом, жердью или шестом автор ссылается на утвердившееся мнение исследовате-

¹⁹ Там же. С. 84–85.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 80.

лей о том, что этот фрагмент ритуала является выражением древней мифологемы «солнца в ветвях мирового дерева», «мифопоэтической идеи победы космических светлых сил над хаосом и мраком»²². В монографии приводятся поразительные факты редкой сохранности глубокой архаичности в масленичном тверском ритуале. В самом деле, универсальная мифопоэтическая идея, образом которой является солнце в ветвях дерева, в традиционной культуре индоевропейских народов сохраняется лишь отголосочно, в виде факелов — огней на длинных шестах. «Исследователи считают культурно-исторической удачей сохранение у славян архаического обряда воздвижения столба с колесом-солнцем и очень важным фактором для реконструкции соответствующей индоевропейской формулы»²³. Как отмечает автор монографии, в тверской традиционной культуре сохранились ещё более древние и редкие обрядовые варианты выражения мифологемы мирового дерева с солнцем на ветвях. Экспедициями Государственной академии славянской культуры (Тверской филиал) в Торжокском, Вышневолоцком, Осташковском районах Тверской области зафиксирована уникальная масленичная обрядовая практика сжигания колеса (от телеги или, в более поздней традиции, «баллона», т. е. резиновой покрышки) на дереве (на ветле, на дубе, на берёзе, ели, сосне, липе, олешнике).

Это масленичное действие является редко встречающимся и очень архаичным обрядовым выражением древнейшего индоевропейского мифа о мировом дереве с солнцем на ветвях. Совершенно очевидно, что фигурирование в ритуале живого, растущего дерева в качестве «мирового дерева» как «центра мира» свидетельствует о невероятном факте сохранности архаичной традиции в исконном, неразрушенном виде.

Впечатляет и наблюдение автора книги о том, что местные жители тверских селений в своём выборе деревьев, на которых совершалось ритуальное сожжение колеса, сохранили память о священных деревьях, которые преимущественно фигурировали в архаических религиозных индоевропейских системах²⁴.

Особое значение в данном исследовании имеет постоянное соотнесение текстов обрядовых свидетельств с текстами образцов разных жанров фольклора и, в частности, так называемого «полотняного фольклора». Прочтение орнаментальных узоров на тверских вышитых полотенцах, предлагаемое автором, убедительно демонстрирует богатство и множественность выражения вариантов воплощения сакральной идеи установления солнца в ветвях мирового дерева в традиционной народной культуре²⁵.

²² *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов // *Топоров В. Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. С. 70.

²³ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. С. 22.

²⁴ *Ситникова С. А.* Тверской обрядовый масленичный текст: реликты древних мифоритуальных представлений. С. 152–153.

²⁵ Там же. С. 147–148, 188–193.

Материал, рассмотренный в монографии, позволяет автору сделать обоснованный вывод о том, что тверской масленичный обрядовый текст насыщен реликтами древних мифоритуальных представлений, которые имеют богатую палитру обрядовых выражений, в том числе и уникальных²⁶.

В заключение следует сказать, что любая, самая глубокая и аргументированная интерпретация, в том числе и предьявленная в этой книге, и сегодня, и в будущем может быть неоднократно переосмыслена, развита, отвергнута или принята и поддержана. И только подлинный фольклорно-этнографический экспедиционный материал, собранный, грамотно систематизированный и опубликованный, является неизменным вкладом в собрание научных данных о традиционной народной культуре. Это тот материал, который, к сожалению, в естественном виде уходит из жизни вместе со стариками, последними его носителями, и может не дожидаться своих беспмятных потомков. И порой только самоотверженные усилия учёных-энтузиастов спасают от полного забвения и уничтожения крупницы бесценных культурных свидетельств, без которых не только немислимо составить полное и достоверное представление о культуре народа, но невозможно надеяться на сохранение его этнической идентичности и на полноценное сохранение самой культуры в целом.

Вместе с тем специалистам известно, как часто такой драгоценный, уникальный фольклорно-этнографический материал, собранный и зафиксированный подвижническими усилиями многих поколений исследователей, безвозвратно гибнет в хранилищах, дожидаясь обработки и подготовки к публикации. Объяснением этому парадоксальному факту, когда, казалось бы, вырванные из забвения культурные свидетельства оказываются всё-таки потерянными, является невероятная трудоёмкость расшифровки и систематизации зафиксированных и собранных фольклорно-этнографических текстов. Время, силы и уровень профессиональной компетентности, требуемые на их многоступенчатую обработку, многократно превышают затраты этих ресурсов, необходимые для их выявления и фиксации.

Вот почему за каждой публикацией, связанной с подлинными, вновь добытыми фольклорно-этнографическими свидетельствами, необходимо признавать духовное подвижничество людей, её осуществивших. Книга С. А. Ситниковой состоялась в рамках многолетней научно-исследовательской (в том числе педагогической, фольклористической, культурологической) и учебной деятельности кафедры народного художественного творчества (НХТ) Государственной академии славянской культуры (Филиал в г. Твери). (К слову сказать, Светлана Алексеевна является одним из инициаторов и создателей в Тверском филиале Государственной академии славянской культуры (ГАСК) этой кафедры наряду с В. И. Ситниковым.) На основе материалов монографии необходимо разработать и издать учебные пособия для школьников и студентов по региональным традициям русской народной празднично-обрядовой культуры.

Монография практически целиком основана на большом массиве именно такого рода свидетельств, которые к тому же самим автором собраны, зафиксиро-

²⁶ Там же. С. 163.

ваны, тщательно и подробно атрибутированы и оформлены в соответствии с требованиями современной фольклористики. Материал изложен последовательно, ясно и создаёт впечатление цельного и глубокого изыскания.

Высокий научный уровень, актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость монографии С. А. Ситниковой являются не только большим научным успехом автора, но и важным достижением кафедры народного художественного творчества и всей Государственной академии славянской культуры.

Данная монография вносит важный вклад в реализацию решения Государственного совета РФ «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России» (2006 г.) и других основополагающих документов, свидетельствующих о повышении внимания современного Российского государства к изучению, сохранению и развитию традиционной народной культуры, а также к реализации её педагогического потенциала в духовно-нравственном, патриотическом, этнокультурном воспитании граждан РФ.

Монография С. А. Ситниковой вносит определённый вклад в деятельность мирового сообщества в лице ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия и культурного многообразия современного человечества.

В заключении хотелось бы поздравить Светлану Алексеевну с изданием её замечательной монографии и пожелать продолжения исследований самобытных славянских народных традиций Тверской области, чтобы их знали, сохраняли, воспроизводили, развивали и передавали друг другу ещё многие и многие новые поколения наших соотечественников, как в России, так и за рубежом.